

БИБЛИОТЕКА

ПОЭЗИИ

БИБЛИОТЕКА

ПОЭЗИИ

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ

ГЁТЕ

МОСКВА 2007

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ

Хотя немецкая поэзия и берет свое начало в глухом средневековье, но до самой эпохи Реформации, эпохи Лютера (то есть почти до середины XVI века) всевропейского значения язык «верхних немцев» — тот, к которому восходит современный немецкий язык — не имел; мешала разобщенность бесчисленных немецких княжеств, предпочитавших общаться между собой на латыни, на французском, а то и на «нижне-немецком» (т. е. нидерландском) языках. Должно было миновать еще чуть не два столетия, чтобы во второй половине XVII века на этом языке возникла великая литература, а главным и наиболее универсальным поэтом и прозаиком этой эпохи бесспорно оказался Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749—1832), автор гениального «Фауста», благодаря которому имя его создателя встало в один ряд с именами Данте, Сервантеса и Шекспира.

Гёте родился во Франкфурте-на-Майне. Первые его литературные опыты относятся к восьмилетнему возрасту. Домашнее обучение под наблюдением отца, а потом три года студенческой вольницы в Лейпцигском университете оставляли ему достаточно времени, чтобы удовлетворить тягу к чтению и испробовать все жанры и стили эпохи Просвещения, так что к девятнадцати годам, когда болезнь вынудила его прервать учебу, он уже владел поэтической техникой и драматическими приемами. В 1771 году в Страсбурге он завершил юридическое образование; именно там он встретился с И. Г. Гердером (1744—1803), идеологом движения «Бури и натиска». Именно влияние Гердера во многом определило дальнейший творческий путь Гёте. Тогда, в частности, он начал писать «Фауста», создал ряд драматических произведений, главной же ценностью его творчества всегда были обширные лирические циклы, возникавшие у поэта неизменно, обычно в связи с новыми сердечными увлечениями.

Одиннадцать лет провел Гёте при веймарском дворе (1775—1786). Там он стал советником молодого герцога Карла Августа, жил придворной жизнью, был

назначен членом герцогского Тайного совета, позднее — министром; ведал прокладкой дорог, набором рекрутов, государственными финансами, общественными работами, горнорудными проектами...

Служебные обязанности Гёте серьезно препятствовали завершению начатых им крупных произведений. Взяв полугодовой отпуск, он едет в Италию, занимается там лепкой и рисованием. По возвращении в Веймар в 1789 году Гёте не сразу перешел к «оседлому» образу жизни. В течение следующих шести лет он предпринял второе путешествие в Венецию, воевал с Наполеоном. В июне 1794 Гёте знакомится с Фридрихом Шиллером. Ежедневное общение поэтов, совместная работа с ним были для Гёте большим творческим стимулом. Гёте опубликовал произведения, которые долго не решался отдать на суд публики. Он закончил роман «Годы учения Вильгельма Мейстера», продолжил работу над «Фаустом», писал почти непрерывно.

В 1805 скончался Шиллер, это было для Гёте горькой утратой: ушел не просто друг, ушел самый дорогой среди современников человек. Гёте, как всегда, находит утешение в творчестве. В 65 лет, надев «восточную маску Хатема», он создал «Западно-восточный диван» — исполинскую стилизацию в мусульманском духе. Притчи, глубокие наблюдения, раздумья о человеческой жизни, нравственности, природе, искусстве, поэзии, науке и религии озаряют стихи этого цикла. Поздняя лирика Гёте достигает невиданных высот; тогда же он заканчивает и своего «Фауста». Умер Гёте в Веймаре 22 марта 1832.

Для русского читателя Гёте стал одним из самых любимых и переводимых авторов еще при жизни. Его «Фауст» переводился более десятка раз, удачно и неудачно; наиболее совершенным на сегодняшний день представляется перевод Константина Иванова, законченный еще в 1919 году — но увидевший свет лишь в 2006. Гёте в прямом смысле уже два столетия наш современник, величайший немецкий поэт и гений мирового значения. Без его лирики непредставима поэзия Европы.

Е. Витковский

ЛИРИКА

1765—1770

ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

* * *

Вот каков наш белый свет,
А как будто лучше нет:
То ль преступников ловушка,
То ль студентов комнатуха,
То ли опера-балет,
То ль магистерский банкет,
То ли головы поэтов,
То ль собрание раритетов,
То ль истертый круг монет,—
Вот как выглядит наш свет.
Risum teneatis, amici?

Коль пишет автор что-нибудь,
Гоним он чем-то в этот путь!
И Александра что-то гнало,
И всех героев сизначала.
Себя впишу и я сюда,
Чтоб не забыли никогда.

МОЕЙ МАТЕРИ

Пусть ни привета, ни письма тебе
Подолгу я не шлю, не допускай
Тревожной мысли в сердце, будто долг
Сыновней нежности к тебе мою
Покинул грудь. Нет, так же, как утес,
Что спит в реке на вечных якорях,
Свое не кинет место, пусть волна,
То бурная, то кроткая, над ним
Проносится, у глаз его отняв,
Так нежность к матери не кинет грудь
Мою вовек, пусть жизненный поток,
Подстегнут болью, то взметает вал,
То, тихо сглажен радостью, скользит
Поверх и прячет нежность, не дает
Ей к солнцу вскинуть голову, кругом
Свои лучи отбросить и тебе
Всечасно повторять, как чтит тебя твой
сын.

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком;
Но когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль там вел с его отцом —
 И детей они
 В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены.
 Где за веру спор,
 Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены.

Вся семья давно уж отдыхает.
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвести ему спешит;
 Лучшее вино
 Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег.
 Как сквозь двери тьму
 Двигается к нему
Странный гость бесшумно на порог.

И богов веселый рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит Один незримый,
Одному распятому хвала!

Агнцы боле туг
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?

О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне —
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей:
Скоро взять должна меня могила;
Ты ж сестре назначен уж мой.

Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампы
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!

Верь мне, друг, о верь:
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами.
Цепь она спешит златую снять,

Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор, доселе
хладный,
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино.
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать воспрещено.

И фиал она ему подносит;
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но — ах! —
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я, как снег, бледна,
Я, как лед, хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненной силой,
Он ее в объятия заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,

Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье:
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она — сомнений боле нет: —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день, но вновь
Нас сведет любовь!» —
«Завтра вновь!» — с лобзаньем был
ответ.

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»

Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу.
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подымется она.

«Мать, о мать! Нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
Для тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад;
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят:
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет.
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь:
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь.
 И, покончив с ним,
 Я пойду к другим —
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять!
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
 Ты их видишь цвет?
 Завтра будешь сед:
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моление:
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
 Так из дыма тьмы
 В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

БОГ И БАЯДЕРА

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет, в странствованье трудном,
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьбою правосудным
Нас карать и награждать.
Он, путником город обшедши усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись
к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
В шелк и кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоём». —
«Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!..»
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
«Лишь войди, и засияет
Эта хата, как чертог;
Ноги я твои омою,

Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою:
Ты устал и изомлел».
И мнимым страданьям она помогает;
Бессмертный с улыбкою все примечает:
Он чистую душу в упавшей прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,
И невольно — в жажде вящей
Унизительных услуг —
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Чрез негу и страх и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит —
И неожиданными слезами
Лик насмницы облит.
Пала ниц в сердечной боли —
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает;
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье странном
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.